

Типология субъектов глобализации

Глеб ВОЛКОВ,
сотрудник Академии
управления
при Президенте
Республики
Беларусь

Ставя под сомнение версию об объективном характере глобализации, некоторые ученые указывают на субъективные факторы этого процесса. Однако субъектность глобализации предполагает наличие носителя идеи – организации, управляемой индивидуумом или группой лиц. Поэтому, учитывая, что в качестве мобилизующей силы могут выступать самые разные акторы политико-экономической сферы, назревает необходимость разработки типологии субъектов глобализации.

Тезис о том, что глобализация является тенденцией последних десятилетий, настолько укоренился в среде социологов и экономистов, что любые намерения оспорить его кажутся кощунственными. Между тем, по мнению Э. Валлерстайна, «хотя сегодня стало модным говорить о глобализации как о феномене, относящемся самое раннее к 70–м годам XX столетия... структура и функционирование товарных цепочек не претерпели в XX веке кардинальных изменений, и таковые вряд ли произойдут даже под влиянием так называемой информационной революции» [1, с. 82]. Видный социолог М. Уотерс приравнивает глобализацию к модернизации XVI века (эпоха Возрождения) с присущими ей техническими инновациями, научными открытиями и колонизацией Нового Света. Его коллега Г. Терборн настаивает на существовании минимум шести исторических «волн» глобализации. Согласно В. Пантину, история глобализации и вовсе «теряется в глубине веков и тысячелетий, восходя к самому возникновению человека и человеческого общества» [2, с. 3–11].

ОБ АВТОРЕ

ВОЛКОВ Глеб Юрьевич.

Родился в 1973 году в Минске. Окончил Академию физического воспитания (1995) и Институт государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (2004). На протяжении шести лет был ведущим аналитиком Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

В настоящее время – сотрудник Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Автор публикаций по международной тематике в отечественных периодических изданиях.

Сфера научных интересов: геополитика, международные отношения, современное мироустройство.

Диспут среди экспертов вызван полярностью взглядов на природу происхождения глобализации. Если исходить из того, что в основе процесса лежат объективные причины (эволюционный путь развития), «современность» явления выглядит закономерной. Однако признание субъектного начала, при котором движущей силой выступает личность или группа лиц, уводит историю глобализации к древним эпохам. Издревле цари награждали себя титулами, подразумевающими претензии на мировое господство: «правитель Ойкумены», «царь царей», «царь Вселенной», «повелитель земли и народов» (Александр Великий), «царь всего» (Навуходоносор), «потрясатель Вселенной» (Чингисхан). По сути, история глобализации начинается с появления государственности, так как именно этот институт власти позволил аккумулировать общественные ресурсы в наиболее значимых масштабах, посредством чего вожди и элитарные группы получили возможность реализовать личностные амбиции.

Исследуя глобализацию с позиции ее субъектности, логично приступить к созданию ее типологии. В качестве субъекта глобализации могут выступать не только коммерческие, но и политические институты, включая индивидов – авторитарных правителей, замыкающих на своей персоне институциональные функции государства. Главными критериями при определении того или иного типа целесообразно считать личностную (или групповую) мотивацию действий субъекта глобализации, а также его социальную принадлежность.

Среди наиболее выраженных типов можно условно выделить автократично-цивилизационный, государственно-корпоративный, этнический и классовый.

Ярким представителем автократично-цивилизационного типа видится Александр Македонский – глава империи, включавшей все цивилизованные территории, известные европейской политической элите того периода. Сущность типа основана на культурном мессианстве и абсолютной власти автократа. «Не Македония, а мир, не национальная узость, а всечеловеческая широта, не Македонское царство, а безусловная самодержавность составляли основополагающую стихию Александра» [3, с. 263]. Уже в начале персидского похода в отчетах царя войсковому собранию открыто фигурируют выражения: «весь мир», «вся Ойкумена».

Отношения между эллинами и персами носили характер не господства, но «смешения в крови и потомстве». Вершиной политики ассимиляции народов явился акт бракосочетания в Сузах, когда десять тысяч македонских воинов и 90 высших сановников (включая царя) одновременно вступили в брак с женщинами местного происхождения. Молодожены обладали беспрецедентными льготами – их долги погашались, а дети от смешанных браков имели право на бесплатное обучение, что по тем временам фактически являлось пропуском в «высший свет». Незадолго до смерти Александр представил грандиозный план взаимного переселения народов Европы и Азии, согласно которому «с помощью браков и привыкания друг к другу оба континента должны объединиться в согласии и любви». Характерно, что под переселением подразумевалось «*somaton metagogaе*», то есть «перемещение человеческого материала».

Одержимому культурным мессианством Александру наиболее импонировала школа бродячих киников, по замечанию В. Соловьева, проповедовавших единство «всего существующего и ничтожность всех искусственных и исторических границ, ратуя за принцип космополитизма». Особым расположением пользовались и

Золотой медальон с изображением Александра Македонского. 323 год до н. э.

стоики, духу которых полностью отвечало намерение императора «устранить все националистические предрассудки и высокомерие, а вместе с ними и всяческую националистическую нетерпимость» [3, с. 318]. В религиозной сфере проповедовалась идея полного слияния.

Процесс унификации планировалось завершить посредством объединения этнических, культурных и конфессиональных элементов, основания новых городов, совершенствования почтовой службы, строительства сети дорог и морского судоходства. О масштабах водных коммуникаций только по Евфрату свидетельствует тот факт, что в Вавилоне был вырыт затон на 1 тыс. кораблей. Предваряя появление трансконтинентальных магистралей, проектировалось открытие морского пути вокруг Африки. Но самый значительный переворот был совершен в области экономики посредством чеканки монеты из захваченных персидских сокровищ. «Увеличение наличных платежных средств оказало на экономику стимулирующее влияние, примерно такое же, какое впоследствии имело введение банкнотов и акций... таким образом для торговли открылись ворота всего мира» [3, с. 441].

Империя Александра являла собой военизированный финансово-административный «поток», движущийся в русле цивилизованного пространства, аналогично тому, как сегодня функционируют транснациональные корпорации. «Таковы были принципы управления Александра. Во многих отношениях они кажутся незавершенными, незаконченными. Но в главном они предельно ясны. Нет сомнения, что Александр стремился к созданию благоденствующего всемирного государства» [3, с. 446].

Правопреемником глобальных замыслов стал Рим, который условно можно отнести к государственно-корпоративному типу. Принципиальное отличие от предшественника кроется в механизме устройства верховной власти. Руководители Рима (включая диктаторов) могли своими решениями лишь внести качественные изменения в функционирование системы,

не угрожая фундаментальным основам ее существования. Сдерживающим фактором выступали сановитые римские кланы, обладающие огромными земельными наделами и потому заинтересованные в сохранении жизнеспособности политическо-го «организма».

В империи господствовало представление о богоизбранности римского народа и самой судьбой предназначенном ему верховенстве, так называемый «римский миф». Делами, единственно достойными римлянина, признавались политика, война и правотворчество. Император же выступал миротворцем, избавителем от страданий. Держава ассоциировалась со столицей, где был сосредоточен финансово-административный аппарат во главе с правящей элитой из числа крупных собственников и мелкой аристократии, несшей службу в вооруженных силах.

Одним из главных символов римского глобализма стали дороги, которые преимущественно строились для передвижения войск. Однако их появление способствовало и общему развитию региональных связей, расширению торговых отношений. Город приобретал значимость только будучи включенным в систему магистралей. Отсюда крылатое латинское выражение «*via est vita*» («дорога – это жизнь»). Важно отметить, при возведении дорог римляне неукоснительно соблюдали канон «прямизны», что свидетельствует о понимании ими стратегической значимости скорости передачи информационных, военных и других ресурсов.

Развитие и безопасность путей сообщения привели к тому, что «весь район Средиземного моря с прилегающей к нему широкой периферией был охвачен экономическими связями, достаточно тесными для того, чтобы говорить о зародышах единого средиземноморского рынка и о некоторых экономических явлениях, общих для всего района: колебания цен, кризисах» [4, с. 21]. Между тем экономический прогресс не мог в полной мере удовлетворить нужды потребительского общества и погрязшей в роскоши аристократии. Проблема ресурсного дефицита решалась иницированием войны. Официальным поводом для вторжения выступала идея цивилизационного мессианства. Как за-

метил Джон Милль: «Деспотизм – законный образ действий правительства, имеющего дело с варварами, если считать, что их конец принесет им облегчение» [9, с. 49].

Завуалировать прагматичную сущность корпоративно-государственного правления была призвана демократия, легитимирующая политику «выборной» власти. Однако заигрывание с электоральными массами вкупе с истощением коренного этноса (ввиду военных потерь) привело в исполнительную вертикаль колониальную аристократию. К концу правления династии Флавиев (61–96 годы) старая составляла в сенате не более 1/8! По утверждению Г. Нибура, первого исследователя социальной эволюции римского общества, «римский миф» сохранялся, главным образом, в знатных родах, с исчезновением которых не стало и возвышенных ценностей.

Чингисхан принимает сановников. Средневековая миниатюра

Для этнического типа характерно стремление унифицировать мир под эгидой титульной нации. Господствующим идеалом выступает этнос и возведенный в культ правитель-диктатор. Притязания на мировое господство обоснованы тезисом о единственности мира (Монгольская империя) либо безусловном праве титульной нации на верховную власть, ввиду ее биологического «превосходства» (национал-социалистическая Германия).

На пике своего могущества Монгольская империя в полтора раза превосходила по площади Британскую или Советскую. Новый порядок преподносился как «обитель мира, вне которой царил война, варварство и хаос».

Оставаясь язычником, Чингисхан проповедовал равное уважение ко всем религиям. Поэтому в многонациональном и многоконфессиональном государстве царил небывалая для эпохи средневековья веротерпимость. По свидетельству Марко Поло, подчиняя очередную геополитическую зону, Чингисхан не нарушал прав собственности местного населения, а только сажал среди них нескольких своих людей, уходя с остальными на дальнейшие

завоевания. Осознавая значение торговли и культивируя уважение к частной собственности, «Чингисхан хотел доставить торговле такие удобства и такую безопасность, чтобы можно было, как он выражался, во всей его империи носить золото на голове, как обыкновенные сосуды, не подвергаясь ни грабежу, ни притеснениям» [6, с. 25].

Мобильность экспансии поддерживалась посредством передовой тактики «заводных коней». Чтобы быстро узнавать обо всех событиях в государстве, конные курьеры, как стрелы, разлетались во все подвластные земли. В работе почтовой службы были задействованы около 300 тыс. лошадей. Почтовых отделений повышенной степени комфортности имелось более 10 тыс. На ключевых станциях содержалось до 400 лошадей.

Разновидностью этого типа является национал-социалистическая Германия. В философском смысле, в основе глобальных притязаний субъекта была заложена мысль об избранничестве германцев. В триумфальной речи 1937 года А. Гитлер провозгласил: «Нас ведет Провидение, мы действуем согласно воле Всемогущего. Никто не в состоянии творить историю народов, мировую историю, если Провидение не благословило его на это» [7, с. 118]. Официальной экономической теорией режима стала автаркия. Однако удовлетворить потребности за счет внутренних ресурсов для германцев априори не представлялось возможным, и потому фактически одновременно появляется концепция «неограниченного расширения жизненного пространства».

Достижение цели планировалось осуществить посредством «блицкрига» (молниеносной войны). Это требовало наличия прочных скоростных магистралей. Поэтому, как и в других случаях, гегемон уделял стратегическое внимание качественному состоянию дорог. В кратчайшие сроки предполагалось создать сеть автобанов («дорог фюрера») общей протяженностью 10 тыс. км (длина транспортных магистралей современной Германии равна 12,5 тыс. км). Не меньшее значение придавалось средствам связи и массовой пропаганды. Субъект глобализации практиковал стационарный центр управления

и потому широко развивал архитектуру, где закономерно преобладала гигантомания. Стоимость планов только по партийным инстанциям составляла 25 млрд. марок [8, с. 76]. Буквально испытывая трудности от обилия проектов и разработок, Германия сохраняла лидерство в области технологий вплоть до 1944 года, когда подорванные военными действиями производственные фонды перестали соответствовать темпам инновационного развития.

Но прежде, в 1943 году, на подчиненных территориях фактически началось формирование «единого рынка» с глобальным закреплением отраслей экономики за регионами. А. Шпеер, министр вооружений и военной промышленности в 1942–1945 го-

дах, вспоминал: «У меня и моих сотрудников было намерение наладить в первую очередь во Франции, но также в Бельгии и Голландии, массовое производство потребительских товаров – одежды, обуви, текстиля, мебели для гражданского населения с тем, чтобы предприятия аналогичного профиля в Германии переориентировать на военную продукцию... Гитлер еще раз подтвердил, что идея планирования производства в европейском масштабе им одобряется и что Франция, наряду с другими нациями, должна получить равноправное представительство... По моим представлениям, не столь уж и важно, где проходят государственные границы в Европе, связанные воедино совместным производством. Речь шла о почти всех ведущих предприятиях, общим числом в десять тысяч» [8, с. 133].

Характерным представителем классового типа выступает Союз Советских Социалистических Республик (СССР), занимавший 1/6 суши Земли, без учета территорий десятков стран-сателлитов. Генеральная цель субъекта заключалась в установлении мирового господства класса пролетариев. Беря во внимание то, что

Плакат «Красная Москва – сердце пролетарской мировой революции». 1920-е годы

всякое общество имеет класс пролетариев, концептуально реализация «великого завета сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков» не имела геополитических рамок.

Еще в 1847 году Ф. Энгельс указывал на существующую глобальность международных экономических связей: «Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого... Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах... Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену» [9, с. 11]. На III конгрессе Коминтерна В. Ленин признал: «Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее, мы думали: сейчас же или, по крайней мере, очень быстро наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых» [10, с. 36]. Прямым следствием мировых притязаний советской власти явился Коммунистический интернационал, который был «задуман и создавался как практическая политическая сила для объяснения мировому пролетариату его коренных интересов, как инструмент концентрации и целеустремления единых действий трудящихся всех стран, как генеральный штаб всемирной революции, даже как зародыш всемирного рабочего правительства» [11, с. 119].

СССР априори исходил из того, что достижение цели возможно только в условиях прогрессивного научного развития и концентрации капитала. В 1931 году на Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне советская делегация представила свою стратегию развития, предполагающую создание более тысячи исследовательских институтов, работающих по централизованной программе. К концу 1980-х годов в научно-технологическом секторе СССР работали порядка 1,5 млн. ученых.

Снова было придано стратегическое значение путям сообщения. На сооружение

только Трансполярной железнодорожной магистрали (1947–1953) было выделено порядка 42 млрд. рублей, задействовано 80 тыс. человек. Масштабы затраченных ресурсов колоссальны, особенно если учесть, что объект так и не был введен в эксплуатацию. В этом же ряду «проект века» – Байкало-Амурская магистраль протяженностью 4300 км. В гигантизме административных зданий (а позже и промышленных объектов) СССР раннего периода не уступал национал-социалистической Германии.

Все указанные субъекты позиционировали свою власть в качестве универсальной. При этом отношения гегемона с внешним миром неизменно предполагали конфликт ввиду того, что принципы функционирования оппонентов априори были несовместимы. Очередную попытку нивелировки мирового геополитического пространства мы наблюдаем на современном этапе, когда в роли субъекта глобализации выступают США, которые можно вслед за Римской империей отнести к государственно-корпоративному типу. Между тем приведенный список типажей субъектов глобализации не окончательный. В условиях перманентной трансформации общества можно ожидать появления новых разновидностей. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
2. Пантин, В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении / В.И. Пантин. – М.: Новый Век, 2003. – 276 с.
3. Шахермайр, Ф. Александр Македонский / Ф. Шахермайр. – М.: ТЕРРА-книжный клуб, 1999. – 496 с.
4. Ковалев, С.И. История Рима / С.И. Ковалев. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Л.: ЛГУ, 1986. – 710 с.
5. Хобсбаум, Э. Век империи. 1875–1914 / Э. Хобсбаум. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 512 с.
6. Иванов, М. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане / М. Иванов. – СПб., 1875. – 252 с.
7. Клемперер, В. ЛГ1. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.
8. Шпеер, А. Воспоминания / А. Шпеер. – М.: Прогресс, 1997. – 720 с.
9. Маркс, К. Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: ИТРК, 2007. – 68 с.
10. Ленин, В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1958–1965. – Т. 44.
11. Грамши, А. Избранные произведения / А. Грамши. – М.: Политиздат, 1980. – 422 с.